

Очень печальная сказка.

И гудит, и воет, и поёт свою вечную однообразную песню холодный ветер. Кружатся белые хлопья снега, стучат в окна, словно запоздалые, ласточки бьют по стёклам озябшими крылышками. Мороз всё крепче, да крепче; вечер всё темнее да темнее. Скоро прилетит маленький мальчик, со звонким смехом, с множеством ярких надежд и подарков, которые у него в

корзинке за плечами. Этот мальчик — Новый Год. Его ждут люди каждую зиму, и каждую зиму, ровно в полночь, поздравляют друг друга с его рождением.

В большой мрачной комнате на мягких подушках лежит больной ребёнок. Его бледное личико осунулось, носик заострился, а большие добрые глаза с выражением бесконечного страдания смотрят неподвижно в одну точку, на стрелку старинных часов, стоящих на камине.

Раз, два! раз, два! — стучат часы, и вслед за стрелкой двигаются глаза ребёнка.

У постельки стоит его мама, с глазами, покрасневшими от долгих слез и без сонных ночей. Она много плакала, и мальчик хорошо это знает. О, он много знает, что шепчут ему старое седое время да бесконечные мысли, которые бродят в его горячей головке! Сегодня родится Новый Год. Пройдёт несколько времени, и старые знакомые часы, с пожелтевшим циферблатом и бронзовой птичкой наверху, скажут, что настала желанная полночь.

Мама, — шепчет ребёнок, — скоро придёт Новый Год?

Скоро, мой милый, — отвечает мама.

Прежде у нас была большая, большая ёлка, и собиралось много гостей. Я тогда был совсем ещё здоров. Отчего теперь ты не сделала мне ёлки?

Но мама молчит. Она смотрит на его исхудалое, почти безжизненное личико, с ярко блестящими глазами, и думает о том, как страшно изменились черты её тихого, дорогого мальчика.

А за стеною мерно и глухо слышится голос бабушки. Бабушка читает, молитвы, и ребёнок слышит, как она долго и горячо повторяет: „Господи, спаси и помилуй!“

— Господи, спаси и помилуй!— повторяет мысленно мальчик, и ему становится тяжело от мерного, мрачного шёпота старушки и от вида этой большой, такой же мрачной комнаты. Зачем его перевели сюда из светлой уютной детской, где жил он вместе с мамой и где ему было так хорошо, так тепло и отратно?

Дрова в камине в последний раз вспыхнули; пламя побежало и зазмеилось по углам, и наконец, дрожавший огонёк медленно погас. Сердитый ветер изо всей силы рванул оконную раму; форточка с шумом распахнулась; ворвалась струя морозного воздуха, и белые снежинки закружились по комнате.

Мать бросилась закрывать форточку, а мальчик протянул свои худенькие ручки и прошептал:

— Не закрывай, не закрывай, милая мама!

Но мама не послушалась, и исчезли белые пушистые снежинки. Мальчику казалось, что это маленькие нарядные девочки в белых платьицах. Они кружились в весёлом вальсе, пели песенки и весело смеялись. Ах, как давно не смеялся больной мальчик!

А когда он был ещё здоров и мог ходить, мама каждый день водила его по улицам большого города. Он любил тогда смотреть на белый блестящий снег, скрипевший под ногами. Неправда ли, что воздушные звёздочки, которые так ярко сверкают на солнышке, — все это маленькие девочки-феи?

Помнит он ещё ёлку. Такая она была высокая, столько нарядных бонбоньерок висело на её зелёных ветвях! Сколько детей радостно смотрело на её гордую верхушку! Ах, белые нарядные девочки, которые ворвались через отворившуюся форточку, — это всё дети, бывшие у него на ёлке! Они пришли поздравить больного мальчика с Новым Годом.

Раз, два! раз, два! — стучат часы, и все дальше за стрелкой бегут мысли ребёнка.

Он вспоминает другие праздники, вспоминает Пасху. Мальчика не брали к заутрене, но он всякий раз просыпался с первым ударом ближайшего колокола. Мама возвращалась из церкви весёлая, со счастливым лицом, и, когда он в одной рубашонке выбегал из детской и, обвивая её шею своими ручками, она осыпала его долгими поцелуями и нежно шептала:

Христос воскрес, дружок!

А дружок торопился к разукрашенному парадному столу и, с красным яичком в руках, христосовался с толстой кухаркой, которая, в ярком платье, сама была похожа на большое красное яйцо.

Раз, два! раз, два! — стучат старые часы, и, вслед за стрелкой, бегут спешат мысли в горячей головке больного. Стрелка коснулась полночи, маятник закачался, и часы глухо прохрипели двенадцать ударов.

Ребёнок вздрогнул. Ему показалось, что тяжёлая портьера зашевелилась, и в окно влетел маленький мальчик. На нём серебристая шапочка, курточка, вся в инее и искрящихся звёздочках, а за плечами тонкие белоснежные крылышки.

Это я — говорит волшебный мальчик, наклоняясь над ребёнком:— я пришёл к тебе с чудными сказками, со здоровьем и силами. Я — Новый Год. Дай мне руку, и полетим со мной в ту далёкую светлую страну, где нет ни слёз, ни страданий!

Больной без страха смотрит в его ясное розовое личико и даёт ему маленькую ослабевшую руку.

Он чувствует, как поднимается высоко над землёй, к тёмному холодному небу, и вдыхает всей грудью свежий морозный воздух; но ему так хорошо, так светло и отрадно. Потом он садится в быстрые санки и летит скоро по снежным горам, так что замирает сердце и темнеет в глазах. Как весело хохочет Новый Год, и как хорошо больному ребёнку! В груди уже нет. тупой сосущей боли; что-то радостно трепещет, прыгает в глубине его измученного сердца, и он бодро смотрит вперёд, на бесконечную снежную равнину.

А в санках сидит и его мама со своим добрым бледным лицом.

Мальчик тянется, целует её милые светлые глаза...

— Мамочка! — радостно лепечет ребёнок; — дорогая... Посмотри, какие хорошие девочки! Как они танцуют ... Посмотри, сколько огоньков сверкает вдали, как они дрожат и сияют ...

Лучезарная страна манит, зовёт его...

И он протягивает вперёд свои слабые дрожащие ручки.

А мама стоит уже, наклонившись к его изголовью, и с испугом смотрит на улыбающееся личико, в широко раскрытые сверкающие глазки, целует его и плачет над ним.

— Мама, ах мама! — шепчут, горячие губы ребёнка: — какой свет. Как хорошо!

И горячая беспокойная головка его падает на руку плачущей мамы, губы перестают шевелиться...